

ИСТОРИИ

Петрогосударства ведут петроагрессивные войны, чтобы сохранить петросовременность. Что все это значит? Объясняет историк культуры Александр Эткинд, написавший об этом книгу «Россия против современности»

08:11, 21 июля 2024 · Источник: Meduza

Фото: Сергей Бобылев / ТАСС / Profimedia. Магнитогорский металлургический комбинат

[Ссылка на материал](#)

...

Берегите себя и отправляйте этот материал
только тем, кому вы доверяете

В рижском издательстве Üeberbau вышел русскоязычный перевод книги Александра Эткинда «Россия против современности». Профессор Эткинд, глава Центра изучения политики антропоцена⁽¹⁾ в Центрально-Европейском университете в Вене, считает, что основная причина войны России и Украины — неспособность российской элиты вписаться в современность и желание остановить перемены, а важнейшую роль в этом сыграл климатический кризис. «Медуза» поговорила с Эткиндом о том, как связаны война и глобальное потепление.

— Ваша книга называется «Россия против современности». Во-первых, что такое современность?

— О современности писали все, но каждый — о своей. И она меняется с каждым годом. Наша современность во всех смыслах противоположна той, которая существовала в XX веке. То была современность небоскребов, огромных кораблей, гигантских самолетов. Чем больше все это сжирало энергии, стали, бетона, тем было современнее. Города росли бесконечно.

А сейчас мы уперлись в потолок — дальше уже расти просто некуда, всем начинает не хватать воздуха. С этим связаны многие проблемы сегодняшнего дня. И вот это — новая современность.

Поэтому я противопоставил в своей книге то, что можно назвать палеосовременностью — по аналогии с палеонтологией, — и «зеленую современность», или современность сегодняшнего дня.

Пара поясняющих цитат из книги

«В основе палеомодерна с его потребностью в природных ресурсах, будь то ископаемое топливо, металлические руды или натуральные волокна, лежал сырьевой колониализм, переселенческий империализм и военно-промышленный капитализм».

«Кремль стремился восстановить палеомодерн советского типа — царство нефти, стали и дыма, военного величия

и принудительного единства».

Палеосовременности свойственна гигантомания.

А сегодня, наоборот, чем миниатюрнее гаджеты, средства передвижения и даже оружие — тем они более современные.

— Когда вы говорите, что начинает не хватать воздуха — это не метафора?

— Нет, это буквально так — тут уж не до метафор. Речь идет о глобальном загрязнении, климатическом кризисе — раньше его называли изменением климата, а сейчас уже говорят о катастрофе. Мы все это чувствуем, где бы мы ни были. Раньше об этом предупреждали эксперты, экспертам можно было не верить, а теперь мы сами все видим. Зимой нет снега там, где он всегда был. Летом в городах стоит невиданная жара, в которой трудно дышать.

ВСЕ САМОЕ ГЛАВНОЕ О КЛИМАТИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ

**Глобальное потепление — это миф или правда?
В России тоже теплеет? Это хорошо или плохо?
Стыдные вопросы об изменении климата**

— Почему именно это определяющий фактор современности? Почему не перемены в политическом

ландшафте, манерах поведения государств, социальных групп, отдельных людей? Почему именно климат — ваша точка сборки?

— Разные ученые говорят о кризисе современности. Почти все согласны, что он есть — это эмпирическое наблюдение, не какая-то теория. Но что в нем главное? Что является исходной причиной, а что следствиями, которые логически можно вывести из этой причины? Это уже вопрос теории. Одно дело — то, что мы наблюдаем, а другое дело — как мы это понимаем.

Вот вдруг начались везде войны — в чем причина? Если это, скажем, падение нравов, тогда и меры надо принимать, направленные на улучшение нравов. А если причина — изменение климата и хаотическое поведение разных государств, которые пытаются избежать последствий? Например, островные государства уходят под воду — они призывают о помощи.

Петрогосударства, то есть те, что зависят от экспорта своего ископаемого топлива, тоже уходят под воду — но уже в метафорическом смысле. Они видят конец своих доходов, обнищание населения. Но прежде всего они, естественно, думают о том, что у правительств не будет средств для продолжения своей привычной деятельности. Думаю, примерно поэтому они и начинают войны.

— У того, что вы называете палеосовременностью, были всем понятные символы. В Советском Союзе эпохи индустриализации человек мог приехать из деревни на ДнепроГЭС или Сталинградский тракторный завод — и уверенно сказать: я приехал в современность. А у этой новой современности есть такие же общепонятные символы?

— Ну, ты едешь по Австрии — непременно увидишь множество ветряных мельниц. Или целые поля солнечных панелей. Или дроны, девайсы. Или вот этот компьютер, по которому я с вами говорю, — он ведь очень маленький. Лет 15 назад, чтобы нам поговорить с глазу на глаз, вам пришлось бы лететь ко мне в гости — а это и трата денег, и эмиссии CO₂. Потом вы бы взяли такси до меня, оплатили бы гостиницу. А теперь мы созваниваемся по видеосвязи — это тоже требует энергии...

— Но поменьше, чем самолет, пожалуй.

— Может быть, в тысячу раз меньше? Эти градиенты — они совершенно невероятны.

Так появляется чувство, что это красиво, круто и потрясающе — так и надо жить. То, что создает подобные ощущения, называют культурой. Это и школа, и университет, и, может быть, церковь, и медиа.

Ветрогенераторы у побережья Тайваня

Lam Yik Fei /B loomberg / Getty Images

— Я не могу вспомнить ни одной войны, в которой заявленной причиной был бы климатический кризис. Как он может влиять на политические выборы или вызывать революции? Или речь о другого рода сдвигах в образе жизни людей?

— Я не говорю, что войны и прочие катастрофы происходят просто из-за потепления.

Наука достигла некоторого консенсуса: да, изменение климата является результатом человеческой деятельности. Какой именно деятельности? Сжигания углеводородов. Что такое углеводороды? Это ископаемое топливо. Откуда берется ископаемое топливо? Из недр земли. Где эти

недра? Они есть только в некоторых точках земной поверхности, ими владеют определенные страны.

А другие страны, наоборот, не владеют и покупают это топливо.

Этих стран немного — можно насчитать 23, это члены так называемого ОПЕК+⁽²⁾. Считанное количество государств живет за счет экспорта ископаемого топлива — тех самых углеводородов, сжигание которых другими государствами вызывает климатическую катастрофу. Эти другие государства полностью зависят от бензина, дизеля, угля и авиационного топлива — и от электричества, которое от всего этого получается. Никуда не денешься.

Государства-потребители в 2020–2021 годах приняли разные далеко идущие программы, проекты и планы. Например, в Европе к 2030 году эмиссии углекислого газа должны сократиться наполовину, а к 2050 году их планируют свести к нулю. Это значит, что к 2030 году, например, импорт нефти и газа из России, Норвегии, Ирана и других стран должен уменьшиться наполовину, а к 2050 году вообще прекратиться.

Мир на пороге катастрофы. Фотографии 2023 года, которые напоминают нам о хрупкости нашей планеты И о том, что климатический кризис нельзя поставить на паузу

— Освещая российско-украинскую войну, мировые медиа фокусируются в основном на ударах по гражданским объектам, военных преступлениях в Буче и других городах — это остается в памяти и не уходит из повестки. А о том, что в зоне боевых действий находится, например, Запорожская АЭС, мы вспоминаем гораздо реже — и, кажется, легко забываем. У войны есть «зеленое» измерение — но оно не удерживается в фокусе.

— Это первая в мировой истории война, которая разворачивается вокруг действующих атомных объектов. К тому же в стране, пережившей Чернобыль. Естественно, в любой момент может произойти взрыв, снаряд может упасть не туда. Возможна и ошибка оператора, как это было в Чернобыле. Там [на атомных станциях] работают украинские операторы — а если у кого-то из них ребенок погиб, например, в Киеве?

Но ничего такого пока не произошло. А медиа не способны держать в поле внимания то, что еще не произошло. До того как была разрушена плотина

Каховской ГЭС, очень мало кто в мире вообще знал о ее существовании. А когда случилась катастрофа, в широком обиходе появилось научное слово «экоцид».

Бывшее Каховское водохранилище

Narciso Contreras / Anadolu Agency / Getty Images

— Что вы называете Россией, которая против современности? Это лично Путин, некий коллективный Путин или все до одного из 140 миллионов человек, которые живут в стране?

— Скорее коллективный Путин. Представьте себе пирамиду, причем очень заостренную. Наверху Путин, вокруг него четыре или пять человек, которые участвуют в принятии решений или в обмене информацией с этим

индивидуальным Путиным. Вокруг еще какая-то элита — условно, тысяча семей, которые являются выгодополучателями системы, созданной Путиным.

Эта пирамида по всей своей высоте нигде не охватывает 140 миллионов человек. Она вообще не охватывает миллионы — только тысячи.

— Почему тогда «Россия против», а не «Путин против»?

— Мы знаем, что говорит и делает Путин. И не знаем, что думают и чувствуют 140 миллионов россиян. Они соглашаются или молча протестуют? Или, может быть, саботируют происходящее? Если бы они искренне соглашались [с действиями властей], то, возможно, и экономический рост, и военные победы, и культурные свершения были бы на порядок выше. Только ничего этого мы не видим.

Кроме того, есть отчасти литературная условность: мы ведь говорим, что воевали Германия и Советский Союз, хотя не все граждане с обеих сторон в этом напрямую участвовали. Войну ведет Россия. Хотят они этого искренне или нет, но в этих военных усилиях участвуют очень многие люди помимо тех, кто непосредственно получает выгоду от этих усилий.

Издательство «Медузы» выпускает книги, которые из-за цензуры невозможно напечатать в России. Теперь в нашем «Магазе» можно купить не только бумажные, но и электронные версии книг. Это один из самых простых способов поддержать редакцию и наш издательский проект.

— Вы считаете Россию образцовым петрогосударством?

— У петрогосударства есть формальное определение: больше 10% своего национального дохода или валового продукта оно получает от экспорта углеводородов или ископаемого горючего. Здесь важно не то, сколько нефти, газа и угля страна извлекает из своих недр и сама же сжигает. Например, Китай извлекает и сжигает гораздо больше, чем Россия. США тоже извлекают и сжигают, но очень мало экспортируют.

А для петрогосударства определяющим является экспорт. Россия живет этим уже довольно давно — с конца 1970-х. Процент дохода от экспорта углеводородов с тех пор всегда был больше десяти — иногда 30%, иногда 20%.

Чем больше горючего идет на внутреннее потребление, тем меньше его остается для экспорта. Страна, которая зарабатывает на жизнь экспортом, ограничивает рост благосостояния, то есть потребляемой энергии,

собственному населению. Если бы в России был рост по американскому образцу — дома больше, две-три машины в семье, дороги лучше, — то оставалось бы все меньше горючего на экспорт.

У петрогосударства возникает целая система ограничения роста благосостояния собственного населения — для того, чтобы экспортировать больше. Потому что этот экспорт поддерживает уровень жизни элиты — то, что называется коррупцией. Сегодня это обеспечивает вооружение и все, что необходимо для обороны и нападения. Да и вообще само существование государства, всех его ветвей и областей, бюрократии.

О ЧЕМ ГОВОРIT АНАЛИЗ АВТОКРАТИЙ РАЗНЫХ СТРАН

Многие верят: когда Путин умрет, война закончится, его режим рухнет — а следом наступит Прекрасная Россия Будущего. Так и будет? Ищем ответ с политологом Эрикой Франтц, которая изучила сотни автократий

— Если считать Россию чистым петрогосударством, она оказывается на одной доске, например, с Катаром. В Катаре вся экономика построена на газе. В России в 2021 году около 15% доходов консолидированного бюджета приходилось на нефть и газ, но есть и другие отрасли, не привязанные к углеводородам. Можно ли

анализировать российские реалии так же, как катарские?

— Да, они похожи. Российская верхушка примерно такой же величины, как количество граждан Катара⁽³⁾.

У них приблизительно одинаковый средний уровень жизни. Большинство населения Катара — не граждане, они вообще бесправны. В России все несколько иначе, но как распределены гражданские права, мы, в общем-то, догадываемся.

Это сходство довольно важно и в другом отношении. Есть эмпирические данные: петрогосударства чаще начинают войны. Эти войны продолжаются дольше, они более кровавые, чем войны, которые ведут другие государства. Этот феномен называется петроагрессией.

И в этом смысле Катар и Россия тоже сходны. Главный спонсор ХАМАС — Катар. То есть две главные войны нашей с вами современности — в Украине и секторе Газа — ведут или финансируют петрогосударства.

Газовая инфраструктура в Катаре

Robin Constable / Eye Ubiquitous / Universal Images Group / Getty Images

— Петрогосударства никогда не признают, что их политика продиктована «петроинтересами». Они настаивают, что ими движут высокие идеалы — это и в России так, и в Катаре. Как одно превращается в другое?

— Войны и все, что с ними связано, требуют многих лет подготовки, сбережения ресурсов или их использования определенным образом, ограничения уровня жизни населения.

И что, получается, что Путин, который пришел к власти два с лишним десятилетия назад, планировал это все [с самого начала своего президентства]? Это трудно себе

представить. Для социальной науки вообще непостижимо. У Советского Союза был госплан, множество специально подготовленных людей сидели, обсуждали, вычисляли. И эти планы никогда не сбывались. А тут и госплана-то нету. Даже само понятие плана исчезло из политического оборота.

Как это понять? Вкус для таких автократий заменяет долгосрочные планы. Вкус — это предпочтения в принятии определенных решений. Человек делает выбор между А и Б. Они, допустим, во многих отношениях равноценны, но ему почему-то больше нравится А, чем Б. Ему даже не надо это объяснять: нравится — и все. А в следующий раз он делает выбор уже между А1 и А2. Его вкус довольно последовательный, устойчивый. Более того, он с каждым сделанным выбором укрепляется. И возникает цепь выборов, которая работает лучше всякого плана.

КАК РОССИЙСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ВЗГЛЯДЫ ПУТИНА ПРИВЕЛИ К ВОЙНЕ

«Устаревшие представления становятся обоснованием массового убийства людей» Почему война с Украиной — логичное продолжение российской идеологии. Объясняет историк Андрей Зорин

Персональные вкусы еще имеют свойство распространяться вокруг — люди, которые зависят от носителя власти, подражают ему. Это можно представить как заразу: она распространяется от одного человека к другому. Они хотят ему понравиться. Для этого они должны принимать похожие решения. И вот эта последовательность распространяется по социальной пирамиде, во времени и движется сверху вниз.

[В России при Путине] каждый раз делался выбор между разными формами современности — палеосовременностью и зеленой современностью. И каждый раз выбор был в пользу палеосовременности: все должно быть огромным, бесконечно растущим. Это касается городов, оружия, танков, энергии — много чего.

В конечном итоге эти все вкусы и идеологии, системы культурных символов сталкиваются с реальностью. Это может происходить на войне, в экономике, в соревновании с другими идеологиями, вкусами и практиками. Или в столкновении с природой, как это происходит сейчас.

— Может ли палеосовременность растоптать новую современность? Может ли Путин победить?

— Конечно. Может на время, а может и навсегда. Человечество не вечно.

Беседовал **Артем Ефимов**

(1) Антропоцен

По мнению некоторых современных ученых, текущая геологическая эпоха, которая началась в середине XX века. В антропоцене определяющий фактор состояния Земли — человеческая деятельность. Международный союз геологических наук и Международная комиссия по стратиграфии в марте 2024 года отвергли концепцию антропоцена и продолжают считать, что мы живем в эпоху голоцена. Она началась около 12 тысяч лет назад, после последнего ледникового периода.

[Вернуться к тексту](#)

(2) ОПЕК+

13 стран ОПЕК (Алжир, Ангола, Венесуэла, Габон, Ирак, Иран, Конго, Кувейт, Ливия, Объединенные Арабские Эмираты, Нигерия, Саудовская Аравия, Экваториальная Гвинея) и 10 стран, не входящих в организацию (Азербайджан, Бахрейн, Бруней, Казахстан, Малайзия, Мексика, Оман, Россия, Судан, Южный Судан). Суммарно контролируют около половины мировой добычи нефти.

[Вернуться к тексту](#)

(3) Население Катара

В Катаре живет около 2,5 миллиона человек. Из них гражданами страны и получателями социальных благ, обеспечиваемых газовыми доходами, являются лишь около 12% — приблизительно 300 тысяч человек. Остальные — трудовые мигранты, в основном из Индии, Бангладеш и Пакистана.

[Вернуться к тексту](#)
